

А. Г. Чевтаев*

СТАЛИН, РУЗВЕЛЬТ И ЧЕРЧИЛЛЬ В ЯЛТЕ: КОНТУРЫ БУДУЩЕГО МИРА

ПРИ ВСЕМ МНОГООБРАЗИИ исследований о Крымской конференции «большой тройки» им присуща одна серьезная слабость: недостаток или отсутствие подлинно критического анализа позиции всех трех лидеров, особенно И. Сталина. В подавляющем большинстве работ не показана политико-психологическая сторона их общения. В данной статье на основе исследования важнейших проблем конференции, которые определили существенные элементы послевоенного мира, предпринята попытка хотя бы частично восполнить этот пробел.

Непосредственная подготовка новой встречи трех лидеров заняла три месяца. Белый дом, ссылаясь с полным основанием на здоровье президента, долго уговаривал И. Сталина прибыть на Мальту, в Каир или Афины, но Кремль был непреклонен, и 27 декабря 1944 г. Ф. Рузвельт согласился на Крым, тем более что У. Черчилль довольно легко принял этот вариант.

К тому времени обнаружились более серьезные неудачи западных союзников, главной из которых был их разгром в Арденнах и переход к обороне на обоих театрах войны – в Западной Европе и в Северной Италии. Напротив, Советская армия в середине января 1945 г., в значительной мере по просьбе Ф. Рузвельта и У. Черчилля, развернула успешное наступление. Благодаря беседе И. Сталина с британским маршалом авиации А. Теддером возникла первая и, пожалуй, единственная реальная координация стратегических операций Восточного и Западного фронтов¹.

По началу Ф. Рузвельт и У. Черчилль решили обойтись без предварительной встречи между собой, однако премьер-министр настоял на сохранении «тегеранского прецедента». К тому же обнаружилась необходимость начальникам штабов обеих стран согласовать позиции. 2 февраля западные лидеры провели короткую встречу на Мальте и одобрили рекомендации своих военных советников, согласованные не без острой полемики. Кроме того, был обозначен круг вопросов, которые будут поставлены в Крыму обоими лидерами².

3 февраля Ф. Рузвельт и У. Черчилль прибыли самолетами в Ялту. Сталин появился 4 февраля, и в тот же день началась работа конференции. Ф. Рузвельт с самого начала дал понять, что не желает усиливать советские подозрения о «предварительном сговоре» англичан и американцев в Ялте. После размещения в Ливадии он встретился с У. Черчиллем один на один только на пятый день конфе-

* *Чевтаев Анатолий Гаврилович*, доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

¹ См.: Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1957. С. 292, 298, 302; Т. 2. С. 175, 182.

² См.: *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 3. М., 1991. С. 509–510; *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. М., 1958. С. 563–564; *Фейс Г.* Черчилль, Рузвельт, Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003. С. 439–441.

ренции. Президент был уверен, что И. Сталин будет покладистее, если западные лидеры не будут демонстрировать свое единство³.

На этой конференции активно работали все три министра иностранных дел – В. Молотов, А. Иден и новая американская фигура в этом качестве – Э. Стеттиниус. Выполняя, как правило, общие поручения свои лидеров, они составляли «малую тройку».

Необходимо коснуться еще одной темы – состояния здоровья Ф. Рузвельта накануне и в ходе работы конференции, поскольку вокруг этого существует немало как здравых суждений, так и явных домыслов. Можно положиться на свидетельство А. Гарримана, человека близкого к президенту в тот период и в то же время вполне объективного: «Несомненно, он был не в лучшей форме, и долгая конференция утомила его. Тем не менее в период подготовки к ней он ясно представлял цели, стоявшие перед ним. Он прибыл в Ялту, полный решимости сделать все возможное, чтобы добиться их, и он вел дискуссии до конца со своим обычным умением и глубиной»⁴.

Заранее было условлено (с подачи президента) отказаться от формулировки повестки конференции и обсуждать вопросы, свободно поднимаемые каждым участником. Естественно, что первым из них оказался военный: замыслы и планы окончательного разгрома Германии. Дискуссию открыла советская сторона. После доклада зам. начальника Генерального штаба генерала А. Антонова (с подробным изложением ситуации и возможных действий противника, но с умалчиванием планов советского командования) И. Сталин высказал несколько замечаний. Как и в беседе с А. Теддером, он подчеркнул, что советское наступление в январе развернулось не по требованию союзников, а в порядке «добровольного выполнения своего товарищеского долга. У нас не было к тому формальных обязательств». И в дальнейшей беседе он повторил это: в Тегеране «Москва не обязывалась предпринять зимнее наступление»⁵. Здесь советский вождь несколько лукавил: с летней кампанией 1944 г. фактическим взаимным обязательством была поддержка военных операций друг друга. И И. Сталин это отлично понимал. Вероятно, смысл его заявления состоял в противопоставлении советских добровольных опережающих действий промедлению западных партнеров и невыполнению их прошлых обязательств.

От имени Ф. Рузвельта и У. Черчилля начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл и начальник имперского Генштаба фельдмаршал А. Брук сообщили о положении на фронтах союзников и планах своих боевых операций. В дискуссии все трое не стали особенно упрекать друг друга в излишней озабоченности действиями фронтов и подтвердили намерения предпринимать максимум своих усилий, чтобы не позволить врагу маневрировать резервами. Позднее штабам было поручено подготовить конкретную схему координации стратегических планов трех фронтов⁶.

Самым важным предметом переговоров стала германская проблема с тремя ее сторонами: безоговорочной капитуляцией, репарациями и расчленением. Хотя еще до встречи все трое были согласны с этими положениями (а безоговорочная

³ См.: *Harriman A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin 1941–1946*. L., 1976. P. 391.

⁴ *Harriman A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin 1941–1946*. P. 389–390.

⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 4. М., 1979. С. 61; *Ржевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945 гг. М., 2004. С. 496.

⁶ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 57–63; *Черчилль У.* Указ. соч. С. 513; *Фейс Г.* Указ. соч. С. 446–448.

капитуляция была согласована в Европейской консультативной комиссии (ЕКК) и одобрена последовательно Ф. Рузвельтом, У. Черчиллем и И. Сталиным к середине декабря 1944 г.) И. Сталин поставил эти принципы для нового обсуждения. Вероятно, он допускал, что западные лидеры могут высказаться в пользу более мягкого варианта разгрома врага. Его опасения в конечном счете не подтвердились, но завязалась довольно сложная дискуссия о соотношении капитуляции и расчленения. У. Черчилль полагал, что в тактическом плане в начале надо предъявить требование о капитуляции и только после некоторого времени объявить о расчленении страны. К тому же, добавил он, «такое решение нельзя принять в течение нескольких дней». Лондон явно намеревался дать задний ход. На этом этапе дискуссии все же было решено предъявить Берлину требование безоговорочной капитуляции с конкретными положениями (на этом особенно настаивал И. Сталин) и, утвердив принцип расчленения, «создать комиссию для изучения ее процедуры»⁷.

Вопрос о зонах оккупации и контрольном механизме над Германией вызвал еще более обширную дискуссию, которую начали западные лидеры. Вероятно, они предварительно условились, что Лондон и Вашингтон из своих зон выделяют территорию для образования французской зоны оккупации. На вопрос И. Сталина, станет ли тогда Париж четвертым участником контрольного механизма, У. Черчилль ответил утвердительно. Длительность оккупации Германии и скорый вывод американских войск из Европы требуют участия Франции в контроле над поверженным врагом: «Французы хорошо знают немцев и сумеют управлять ими. Англия не хочет брать на себя всю тяжесть возможного нападения Германии в будущем. По мере роста своих сил Франция должна будет принимать на себя все большую тяжесть бремени по предотвращению нападения Германии»⁸.

Ф. Рузвельт подтвердил, что США едва ли будут держать свою армию в Европе более двух лет. Но в любом случае Вашингтон был за то, чтобы «в осуществлении контроля над Германией принимало участие возможно меньшее число государств». Президент поддержал идею выделения Франции зоны оккупации, но он не поддержал озабоченность У. Черчилля «возможным нападением Германии в будущем» и выступил против включения ее в контрольный механизм. И. Сталин согласился с ним: «Контрольный механизм должен быть в руках только тех трех держав, что от начала до конца стойко вели борьбу против Германии и понесли большие жертвы». После повторного энергичного заявления У. Черчилля в пользу участия Франции в оккупации и контроле над Германией, Ф. Рузвельт предложил передать этот вопрос в ЕКК. И. Сталин и в этом случае согласился с президентом и не выступил в поддержку Ш. де Голля, своего нового союзника⁹.

Однако У. Черчилль и А. Иден продолжали (и в целом вполне резонно) отстаивать свою позицию: без участия в контрольном механизме Париж не согласится, как это предложил И. Сталин, «осуществлять контроль в своей зоне по директивам Англии, которая и выделить Франции зону», и откажется от нее. У. Черчилль подчеркнул: контрольный механизм будет отличаться от совещаний «большой тройки», и Франция, не участвуя в них, непременно должна быть представлена в этом механизме. Премьер предложил разумный компромисс: указать, что «советское правительство не возражает против договоренности США и Великобритании с Францией о ее зоне оккупации», а следующий шаг сделать

⁷ Советский Союз на международных конференциях... С. 62–69.

⁸ Там же. С. 70–71.

⁹ См.: Там же. С. 72–73; *Фейс Г.* Указ. соч. С. 476–477.

позднее. Ф. Рузвельт одобрил это и предложил поручить «малой тройке» проработать вопрос об участии Франции в контрольном механизме¹⁰.

Советская делегация не согласилась с этим. В. Молотов, которого И. Сталин нередко выдвигал в боевую позицию, дважды заявлял, что предлагаемое поручение расходится с тем, что все три лидера ранее одобрили тройственный механизм контроля Германии. Президент ответил, что это предварительное соглашение еще не подписано. Но на вопрос В. Молотова, предлагает ли Ф. Рузвельт «внести в него какие-либо изменения», президент поосторожничал и ответил отрицательно. Если министрам будет дано такое поручение, заявил В. Молотов, они его выполнят. Но полагает ли У. Черчилль, говоря о возможности зон оккупации для Бельгии, Нидерландов и даже Польши, включить эти страны в контрольный механизм? Нет, ответил У. Черчилль. Бельгия и Нидерланды могут помогать в осуществлении оккупации главным державам, но не должны иметь своих зон. Ф. Рузвельт полностью согласился с премьером и И. Сталин, видя твердую позицию своих партнеров, молча принял указанное поручение трем министрам¹¹.

Из анализа этой части полемики можно сделать некоторые выводы. Прежде всего, ослабло антиголлистское настроение президента, и произошло сближение Белого дома и Уайтхолла в вопросе роли Франции в послевоенной Европе. Сдержанность И. Сталина определялась не столько неприязнью к Ш. де Голлю (в связи с отказом его признать Люблинское правительство), сколько вполне понятным для Кремля соображением: в будущей германской политике победителей лучше иметь двух партнеров, чем трех. Но эта позиция И. Сталина по сути укрепила мнение Ш. де Голля о советском вожде как о большом интригане и мастере обмана, которое сложилось у него во время советско-французских переговоров в декабре 1944 г.

После французского вопроса У. Черчилль предложил «обсудить вопрос о правительстве Германии». Однако И. Сталин решительно заявил, что «он предпочитает обсудить вопрос о репарациях». Ф. Рузвельт, вероятно, понимая опасность вопроса о «правительстве Германии» и одновременно желая показать взаимопонимание с советским вождем, поддержал И. Сталина и спросил, «какое количество германской рабочей силы хотел бы получить Советский Союз», добавив при этом, что США не нужны ни германские машины, ни германская рабочая сила¹².

При всей важности для СССР проблемы репараций она не была до конца проработана, но И. Майский, заместитель В. Молотова и главный ответчик по репарационному вопросу, хорошо справился со своей задачей. Он подробно изложил советский подход к нему: только натуральная форма получения СССР репараций из Германии (материальные ценности и ежегодные товарные поставки после войны), изъятие львиной доли (до 80 %) оборудования тяжелой промышленности, десятилетний срок взимания репараций, установление четкой очередности стран в получении репараций (с учетом размера вклада каждой страны в дело победы над врагом и масштаба ее прямых материальных потерь), создание трехсторонней репарационной комиссии с резиденцией в Москве. Относительно общей стоимости репараций для СССР у Кремля было два варианта – пять и десять миллиардов долларов. Предварительно В. Молотов предлагал первый вариант, однако И. Сталин, очевидно уловив благожелательность Ф. Рузвельта, при-

¹⁰ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 73–74.

¹¹ См.: Там же. С. 74–75.

¹² См.: Там же. С. 75–76.

казал И. Майскому назвать цифру десять миллиардов. При этом он добавил, что Москва еще не готова обсуждать проблему германской рабочей силы¹³.

У. Черчилль, хотя и признал, что «жертвы России больше любой страны, и вывоз заводов из Германии явился бы правильным шагом», в то же время утверждал, что «из разрушенной Германии невозможно будет получить полной компенсации материальных убытков даже одной России». Далее премьер показал, что и его страна сильно пострадала в войне и что никакая другая страна из победителей не окажется в столь тяжелом положении, как Великобритания. Завершая эту косвенную полемику с И. Сталиным, он заявил, что, если столь жесткая схема репараций ляжет на немцев, как бы не пришлось союзникам вместо получения репараций с них кормить голодающую Германию и частично покрывать советскую долю репараций из своего кармана¹⁴.

Вероятно, эта аргументация на время поколебала решимость И. Сталина получать с Германии материальные изъятия в названной сумме. В ночь на 6 февраля, сразу после вышеуказанного обсуждения, он «решил снизить советскую долю до семи миллиардов и повысить долю англичан и американцев до восьми миллиардов долларов»¹⁵. Вероятно, И. Сталин полагал, что соотношение 7:8 вместо 10:5 больше заинтересует западных партнеров и склонит их к принятию советских требований.

Ф. Рузвельт подробно изложил свое видение этой проблемы: никаких американских финансовых вливаний в Германию, никаких материальных изъятий и рабочей силы для США, немецкое имущество в США должно быть конфисковано. Вашингтон стремится «помочь Москве получить из Германии все необходимое, а Лондону – увеличить экспорт и занять место Германии на рынках сбыта». Президент, как и У. Черчилль, поддержал предложение И. Сталина о создании репарационной комиссии¹⁶.

С разрешения И. Сталина И. Майский попытался ослабить критику западными лидерами советской схемы репараций, назвав изъятие натурой «абсолютным средством» решения проблемы и убеждая их в «излишней скромности советских требований». Он также утверждал, что Москва «не задается целью превратить Германию в голодную, раздетую и разутую страну», а желает обеспечить ее существование «на базе среднеевропейского уровня»¹⁷.

После этого стало очевидно, что вопрос следует передать в репарационную комиссию. И. Сталин предложил дать ей важнейшие директивы для работы: первоочередные получатели – СССР, США, Великобритания, при учете всех возможностей Германии иметь в виду не ее нынешнее положение, а все ее ресурсы после войны (возвращение населения, восстановление экономики и др.) Ф. Рузвельт не стал возражать, а У. Черчилль сформулировал свой принцип взимания репараций: каждому – по потребностям, а с Германии – по ее силам. И. Сталин заметил, что он предпочитает иное: каждому по заслугам¹⁸.

¹³ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 76–78; *Ржешевский О. А.* Указ. соч. С. 497–498.

¹⁴ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 78–79; *Черчилль У.* Указ. соч. С. 515; *Фейс Г.* Указ. соч. С. 480.

¹⁵ *Ржешевский О. А.* Указ. соч. С. 499.

¹⁶ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 79–80.

¹⁷ Советский Союз на международных конференциях... С. 80–81; *Ржешевский О. А.* Указ. соч. С. 498–499.

¹⁸ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 82–83.

На этой стадии дискуссии по репарациям сложилась четкая тройная конфигурация позиций. У. Черчилль с Ф. Рузвельтом – против И. Сталина за более реалистический подход с минимальным изъятием материальных ценностей для Британии и полным отказом от немецкой рабочей силы. Ф. Рузвельт с И. Сталиным – против У. Черчилля за максимально возможное, хотя и в разумных пределах, удовлетворение советских требований. У. Черчилль против И. Сталина при нейтральности Ф. Рузвельта – за разумное равновесие между общим объемом изъятия и остающимся потенциалом немецкой экономики.

При обсуждении 6 февраля в «малой тройке» вопроса о формуле «расчленения Германии» западные министры предложили включить ее в ст. 12 проекта безоговорочной капитуляции вслед за словами «полное разоружение и демилитаризация». В. Молотов настаивал на более жесткой формулировке: «В целях безопасности в Европе союзники считают необходимым расчленить Германию». Не достигнув согласия, «малая тройка» обратилась к своим патронам. На пленарном заседании 6 февраля В. Молотов снял свою формулу и на следующий день трое министров предложили создать особую комиссию в Лондоне для изучения процедуры расчленения (в составе А. Идена и двух послов – Ф. Гусева и Дж. Уайнанта). Комиссия должна «изучить положительные и отрицательные стороны расчленения», а также рассмотреть вопрос о границах новых государств и из отношениях между собой и с другими государствами в Европе¹⁹.

Гораздо напряженнее прошла полемика в «малой тройке» о репарациях. В. Молотов настаивал на включении общей стоимости изъятия в двадцать миллиардов долларов в документ конференции как «исходную базу для дискуссии в репарационной комиссии». Э. Стеттиниус, по началу противник фиксирования общей суммы, согласился рекомендовать репарационной комиссии как исходную базу советское предложение о двадцати миллиардах с условием получения 50 % этой суммы Советским Союзом. Это был очевидный шаг Ф. Рузвельта навстречу И. Сталину. А. Иден же отверг не только эту рекомендацию, но и предложение Кремля о «значительных изъятиях материальных ценностей из Германии». Он повторил тезис своего шефа: мы не хотим кормить немцев. Кроме того, А. Иден предложил включить Францию в состав репарационной комиссии, что явно не устраивало Москву²⁰.

Не менее резкая полемика прошла между У. Черчиллем и И. Сталиным по этому вопросу в тот же день 10 февраля и на пленарном заседании. Советский вождь твердо стоял за фиксацию изъятий в двадцать миллиардов долларов с правом комиссии изменить эту рекомендацию в ту или иную сторону, тогда как премьер решительно отвергал определение любой суммы. И. Сталин утверждал (неизвестно, правда, на каком основании), что «немцы могут выплатить все, что требует Советский Союз, сохранив свой уровень жизни не ниже стран к востоку от них». Ф. Рузвельт поддержал его, но И. Сталин, видя твердость У. Черчилля, уступил, и вопрос о размерах возмещения решили передать в репарационную комиссию²¹.

Спокойнее прошла дискуссия о создании ООН и отдельных вопросах европейского мироустройства. Э. Стеттиниус, по сути, внес прежнее предложение Ф. Рузвельта о принципе голосования в Совете Безопасности ООН: воздержание постоянного члена Совета от участия в голосовании по процедуре, если он явля-

¹⁹ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 84–87, 108–109.

²⁰ См.: Там же. С. 184–185, 195–196.

²¹ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 215–216; *Фейс Г.* Указ. соч. С. 481.

ется участником обсуждения, и участие в решении вопроса по существу. Белый дом представил подробный перечень вопросов двух типов голосования постоянных членов, чего не было ранее²². У. Черчилль на конкретных примерах показал значимость признания права любой страны включить важный для нее вопрос в повестку дня Совета, не встречая на этом этапе угрозы применения вето. Но он подчеркнул важность права вето, если проект решения Совета не совместим с интересами данной страны²³.

И. Сталин по началу высмеял У. Черчилля за его защиту права малых стран высказаться в международной организации: «Такое право дешево стоит». Умело обыграв тезис о нежелании всей «большой четверки» и каждого в отдельности властвовать на миром, он заставил премьера обороняться. Но при этом У. Черчилль высказал вполне резонную мысль: «Положение трех великих держав столь могущественно, что другие могут подумать именно так, если не принять предупредительные меры»²⁴. Как показали дальнейшие события, оснований у других стран «думать именно так», было вполне достаточно. Да и сама названная фраза хозяина Кремля говорит о его великодержавном высокомерии.

В защите права абсолютного вето постоянных членов Совета И. Сталин фактически признался в опасении, что СССР может оказаться в одиночестве даже на стадии процедурного голосования. Но когда он напомнил об исключении его страны из Лиги Наций «во время русско-финской войны» Ф. Рузвельт и У. Черчилль энергично заявили, что теперь «такое не случится». В. Молотов заявил, что «он впервые это слышит», и западные лидеры снова подтвердили, что подобное декабрю 1939 г. не повторится. Отчасти это удовлетворило И. Сталина. Все трое согласились, что, даже если будет попытка поднять общественное мнение в мире против кого-либо из постоянных членов Совета Безопасности (это опасение четко выразил именно советский вождь), три великие державы вполне смогут справиться с этим, выступая единым фронтом. И тут наступил своеобразный обмен любезностями двух жестких оппонентов. У. Черчилль выразил уверенность, что «маршал Сталин не захотел бы выступить против Англии, не поговорив предварительно с ней», добавив, что за себя он, У. Черчилль, ручается. И. Сталин тут же добавил, что «за себя он также ручается». Ф. Рузвельт поспешил добавить, что его предложения о порядке голосования в Совете Безопасности надежно защищают единство великих держав²⁵.

Но и после этого эпизода И. Сталин еще не дал согласия на формулу Белого дома. Он надеялся связать это с взаимностью Запада в вопросе включения шестнадцати советских республик в состав членов – учредителей ООН: это требования Кремль настойчиво выдвигал с сентября 1944 г. Взвесив шансы на успех этого обмена уступками, советская сторона 7 февраля объявила, что принимает формулу Ф. Рузвельта, но настаивает на включении трех или по крайней мере двух союзных республик (Украина, Белоруссия, Литва) в число учредителей ООН²⁶.

Западные лидеры с удовлетворением приняли решение И. Сталина. Ф. Рузвельт заявил, что он «счастлив слышать о согласии советского правительства с

²² См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 88–90.

²³ См.: Там же. С. 91–92.

²⁴ Советский Союз на международных конференциях... С. 93–95; *Фейс Г.* Указ. соч. С. 497–498.

²⁵ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 95–96.

²⁶ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 120–121; *Фейс Г.* Указ. соч. С. 498–499.

его предложениями». Что касается включения советских республик в состав ООН, президент считал необходимым изучение этой темы. Она «тесно связана с другим вопросом: будут ли крупные державы иметь в международной организации больше одного голоса?» У. Черчилль, выразив «горячую благодарность» И. Сталину за этот «огромный шаг», признал правомерность идеи включения ряда советских республик в ООН и поддержал предложение Ф. Рузвельта обсудить эту тему в «малой тройке» в контексте вопроса о первоначальных членах ООН. С этим И. Сталин согласился²⁷.

Уступка Кремля, будучи вполне просчитанным шагом, значительно облегчила завершение дискуссии по вопросам создания ООН. 8 февраля три министра без каких-либо дебатов согласовали следующее. Конфедерация созывается 25 апреля в Сан-Франциско. Учредителями ООН будут все государства, подписавшие Декларацию Объединенных Наций. Белоруссию и Украину включить в число учредителей ООН. Польшу включить условно, до создания правительства национального единства. «Большая тройка» в тот же день одобрила эти рекомендации. Правда, И. Сталин попытался вывести Украину и Белоруссию на общий уровень учредительства ООН – добиться согласия партнеров на подписание этими республиками Декларации до 1 марта 1945 г. У. Черчилль был готов согласиться, но Ф. Рузвельт твердо стоял на своем: этот шаг явно возбудит неприятный вопрос о трех голосах СССР. Пришлось ограничиться более скромным успехом – включением их названий в текст рекомендаций трех министров²⁸.

Важным элементом контуров послевоенного мира стала «Декларация освобожденной Европы», подготовленная Белым домом и согласованная в рамках ЕКК. Ее смысл определялся следующим положением: три великие державы «в течение периода неустойчивости в освобожденной Европе договорились согласовывать свою политику в деле помощи народам, освобожденным от господства нацистской Германии, и народам бывших государств – сателлитов оси». В ней была ссылка на Атлантическую хартию как на основу права народов избирать форму правления в контексте «восстановления суверенных прав и самоуправления для тех народов, которые были лишены этого агрессивными нациями»²⁹.

Декларация не вызвала серьезной дискуссии. Правда, англичане предлагали огласить ее от имени четырех держав, включив в число авторов Францию, а так же вместо водораздела «фашистский-нефашистский» использовать термин «демократический». Но И. Сталин и Ф. Рузвельт отклонили эти поправки. Не прошла и поправка советской делегации, в которой Москва хотела подчеркнуть заинтересованность трех держав (в рамках оказания помощи странам освобожденной Европы) в «оказании поддержки политическим деятелям, принимавшим активное участие в борьбе против германской оккупации»³⁰.

Польский вопрос, как и следовало ожидать, оказался самым трудным. Именно в нем ожидалось наиболее острое разногласие между западными лидерами и И. Сталиным. 6 февраля, в первый день его обсуждения, Ф. Рузвельт изложил позицию Вашингтона. США не могут признать люблинское правительство, так как оно «представляет лишь небольшую часть польского народа». Они добиваются создания «правительства национального единства», куда вошли бы пред-

²⁷ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 122–125; *Шервуд Р.* Указ. соч. С. 573–574.

²⁸ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 146–150; *Фейс Г.* Указ. соч. С. 499–500.

²⁹ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 186.

³⁰ См.: Там же. С. 186–187.

ставители всех основных польских партий (рабочей, крестьянской, социалистической, национал-демократической). Ф. Рузвельт предложил «создать президентский совет в составе небольшого числа выдающихся поляков», который сформирует временно правительство Польши. На пост главы президентского совета Ф. Рузвельт рекомендовал С. Миколайчика, наиболее приемлемую компромиссную фигуру. По вопросу о польско-советской границе президент обратился в И. Сталина с просьбой «дать полякам возможность сохранить лицо» – уступить им на южном участке линии Керзона, то есть согласиться на оставление Львова у поляков. Он подтвердил свою надежду, что Польша будет в самых дружеских отношениях с советским союзом³¹.

У. Черчилль в целом поддержал общий смысл позиции Ф. Рузвельта – найти золотую середину между лондонскими и люблинскими поляками. Он дальше развил разумный компромисс двух сторон: СССР получает линию Керзона как надежную свою западную границу, а поляки получают реальную возможность «быть хозяевами в собственном доме и в собственной душе». Запад гарантирует, что новая Польша не будет иметь «враждебных намерений или интриг против Советского Союза». У. Черчилль даже предложил прямо в Ялте сформировать временное правительство Польши, которое могло бы включить «таких порядочных поляков из Лондона, как Миколайчик, Грабский и Ромер». Это правительство подготовит условия для выработки конституции и проведения всеобщих выборов в Польше³².

В обширном ответе И. Сталина выделим основные элементы. Польский вопрос – это «не только вопрос чести, но и вопрос безопасности СССР». Чтобы немцы в третий раз не напали на русских с запада, Польша должна быть сильной. Но такой она может быть только при полноценной поддержке Москвы. В аргументации своей позиции И. Сталин вполне сознательно перешел разумную грань и заявил, что «вопрос о Польше – это вопрос жизни и смерти Советского государства». Далее он ясно определил отношение к территориальной стороне проблемы. Линия Керзона была предложена не русскими, а творцами Версаля, и Львов останется советским. Новые территории Польши (ее западная граница должна идти по Западной Нейсе плюс Восточная Пруссия без Кенигсберга) вполне компенсируют потерю всей Восточной Польши. В отношении создания нового правительства страны советский вождь заявил, что идея примирения лондонцев и люблинцев теперь явно утопична. Обе стороны являются непримиримыми врагами³³.

7 февраля И. Сталин внес проект предложений о Польше: признать ее восточной границей линию Керзона, а западной – линию Западной Нейсе, пополнить люблинское правительство «некоторыми демократическими деятелями из эмигрантских польских кругов» и признать новое «правительство национального единства» союзными странами, провести затем в возможно короткий срок всеобщие выборы. Предложения о пополнении люблинцев выработать в комиссии в составе В. Молотова, посланца А. Гарримана и А. Кларка Керра совместно с люб-

³¹ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 97–98; *Фейс Г.* Указ. соч. С. 472; *Harriman A., Abel E.* Op. cit. P. 406.

³² См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 98–99; *Harriman A., Abel E.* Op. cit. P. 406–407.

³³ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 99–102; *Фейс Г.* Указ. соч. С. 468–470.

линцами и представить на рассмотрение трех лидеров³⁴. Смысл советского проекта очевиден: новое правительство будет практически столь же послушным Москве, как и прежнее люблинское в проведении не только международной, но и внутренней политики.

Западные лидеры признали, что «советские предложения... являются шагом вперед». Правда, они еще не принимали практически полное исключение лондонцев из сталинского проекта пополнения люблинцев, как и в целом тезис Кремля о силе Польше в поддержке ее Москвой. По сути, это будет, как отметил А. Гарриман, «слабая Польша». К тому же У. Черчилль усомнился, смогут ли поляки освоить столь обширную новую территорию: «Будет нехорошо, если польский гусь, объевшись обильных немецких яств, скончается от несварения желудка». Кроме того, он заметил, что передвижение границы потребует переселения около шести миллионов немцев, а это является не только моральной, но и немалой организационно-технической проблемой³⁵. Таким образом, западные лидеры в определенной мере сдали свои прежние позиции, сделав крупный шаг навстречу Кремлю. Очевидно, два момента сыграли свою роль: согласие И. Сталина с формулой Ф. Рузвельта о схеме голосования в Совете Безопасности и учет им просьбы президента о возможности встречи трех люблинских и двух лондонских поляков и о скорейшем проведении в Польше свободных выборов³⁶.

8 февраля дискуссия о Польше продолжилась. Ф. Рузвельт уточнил свой проект. В. Молотов и оба посла приглашают «представительную группу поляков» в Москву для переговоров, чтобы сформировать «новое правительство национального единства» в составе трех групп: люблинской (Б. Берут и Э. Осубка-Моравский), лондонской (С. Миколайчик и С. Грабский) и демократических элементов из Польши (А. Витос и архиепископ С. Сапега). Президентский совет под руководством комиссии В. Молотова должен сформировать указанное временное правительство национального единства, которое проведет выборы в учредительное собрание. Как только конституция будет принята и будет выбрано постоянное правительство, его признают три союзные государства³⁷.

Однако В. Молотов тут же вернул внимание к советскому проекту. Если принять предложение Ф. Рузвельта, люблинские поляки («они пользуются огромным авторитетом в народе») могут с ним не согласиться. Напротив, советским предложениям успех обеспечен. Чтобы ослабить идею Ф. Рузвельта о президентском совете В. Молотов совсем не к месту предложил расширить варшавскую «Крайову Радзу – законный орган», вероятно, намекая на желательность ее признания западными державами. Впрочем, он похвалил Ф. Рузвельта за согласие с созданием польской комиссии, но не для создания подлинно представительного правительства, а для пополнения люблинского правительства³⁸.

У. Черчилль пришел на выручку президенту и четко обозначил позицию Запада. Либо «большая тройка» просто добавит к люблинцам несколько человек, и тогда будет возмущение во всем мире и резкие упреки в наш адрес, либо мы создадим новое правительство из трех указанных частей: люблинцы, демократы из Польши и демократы из-за границы. Лондон твердо стоит за второй вариант, в

³⁴ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 125–126; Черчилль У. Указ. соч. С. 529.

³⁵ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 126–127; Harriman A., Abel E. Op. cit. P. 405, 410; Черчилль У. Указ. соч. С. 529.

³⁶ См.: Феус Г. Указ. соч. С. 472; Harriman A., Abel E. Op. cit. P. 408.

³⁷ См.: Harriman A., Abel E. Op. cit. P. 410–411.

³⁸ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 150–153.

котором всем трем группам будет представлено равное право деятельности вплоть до справедливых свободных выборов³⁹.

Тогда в дело вступил советская тяжелая артиллерия. И. Сталин заявил, что «популярность руководителей люблинского правительства в польском народе громадна, поскольку они работали в подполье и вышли из него победителями». Успехи Красной армии «произвели большой переворот в сознании польского народа, неприязнь к русским исчезла...» Авторитет же лондонцев заметно подрывается, так как они не участвуют в «великом национальном празднике польской истории». Отсюда вывод: необходимо «реконструировать существующее временное польское правительство, а не создавать совсем новое»⁴⁰.

Сталинская картина была далека от действительности, о чем частично знали, а больше догадывались западные лидеры. Варшавское правительство находилось под охраной советских спецслужб, имевших в Польше несколько полков войск НКВД. Фактически главой всей службы безопасности люблинцев был зам. наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии генерал И. А. Серов⁴¹. Но западные лидеры видели железную твердость И. Сталина в этом вопросе и, желая выйти из тупика, воспользовались приманкой, которую советский вождь поставил в своей позиции: свободные выборы. Они, и прежде всего Ф. Рузвельт, охотно приняли слова И. Сталина, что выборы могут состояться через месяц, если не случится какой-либо катастрофы на советском фронте и если немцы не побьют союзников. Это был легкий укол в адрес партнеров, который они перенесли довольно спокойно. Вопрос передали на обсуждение «малой тройке»⁴².

Однако и она поначалу не пришла к согласию. Э. Стеттиниус и А. Иден отвергли формулу В. Молотова о «реорганизации правительства на базе люблинцев» и предложили свою: «создание полностью представительного польского правительства» на тройственной основе. 9 февраля «большая тройка» продолжила дискуссию, в которой В. Молотов, поддержав американскую поправку, внес свое дополнение о реорганизации варшавской администрации «на базе более широкого демократизма»⁴³.

«Малая тройка» в тот же день обратилась к взаимным поправкам, но советский нарком твердо отклонил британскую формулу о «полностью представительном правительстве» и предложения Белого дома о праве послов трех держав в Варшаве наблюдать за «проведением свободных выборов». В этих дискуссиях советская сторона явно теснила своих партнеров. Когда В. Молотов на их упреки не стал отрицать, что по сути Москва добивается сохранения люблинского правительства под видом «реорганизации», А. Иден в сердцах воскликнул: «Ведь я не прошу вас о признании лондонского реорганизованного правительства». И нарком находчиво и совершенно искренне ответил, что «он и не требует этого от Идена»⁴⁴.

³⁹ См.: *Harriman A., Abel E.* Op. cit. P. 411; *Черчилль У.* Указ. соч. С. 530–531; *Фейс Г.* Указ. соч. С. 473.

⁴⁰ Советский Союз на международных конференциях... С. 154–156; *Черчилль У.* Указ. соч. С. 531–532.

⁴¹ См.: Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье 1944–1945 гг. М., 2001. С. 115–131.

⁴² См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 156; *Черчилль У.* Указ. соч. С. 532–533; *Harriman A., Abel E.* Op. cit. P. 411–412.

⁴³ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 172–174.

⁴⁴ Советский Союз на международных конференциях... С. 190.

10 февраля «большая тройка» завершила обсуждение польской проблемы. Она приняла проект «малой тройки», в котором стояла формула о реорганизации варшавского правительства «на более широкой демократической базе с включением демократических лидеров из самой Польши и поляков из-за границы». Это был весьма скромный успех западных лидеров: И. Сталин снял свою формулу о «реорганизации варшавского правительства на базе... самого варшавского правительства». Ф. Рузвельт было предложил ничего не говорить в коммюнике о границах Польши, чтобы избежать ссоры с сенатом, но У. Черчилль возразил: «По восточной границе есть согласованное мнение, и его надо высказать, чтобы поляки успокоились», – а западную точно не фиксировать. После согласия И. Сталина министры добавили новый абзац о границах, и текст заявления по Польше были принят⁴⁵.

Таким образом, в польском вопросе И. Сталин практически полностью переиграл своих партнеров. Всего его основные позиции, озвученные еще в Тегеране, получившие развитие летом 1944 г. и закреплённые в январе 1945 г. официальным признанием люблинцев, были приняты Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. Единственной сколько-нибудь заметной уступкой Кремля стала формула реорганизации люблинского правительства на более широкой демократической базе. Вероятно, западные лидеры понимали, что советский вожь по-своему истолкует «широкую демократическую базу», и свою конечную надежду возлагали на выборы в учредительное собрание. И. Сталин усиленно заверял, что «они будут свободными», и в таком случае, полагали Ф. Рузвельт и У. Черчилль, вероятнее всего принесут победу не коммунистам Б. Берута, а партиями подлинно национальной ориентации.

Проблемы Дальнего Востока, точнее говоря, вступления СССР в войну против Японии, и геополитические перемены в связи с этим, не вызвали серьезных дискуссий. Белый дом был весьма заинтересован в твердом намерении Москвы вступить в эту войну, и в конце 1944 г. А. Гарриман успешно выполнил миссию посредничества между Ф. Рузвельтом и И. Сталиным в этом вопросе. Одновременно президент намекнул Чан Кайши о предстоящем событии, чтобы тот смирился с геополитическими претензиями Кремля в обмен на содействие примирению коммунистов и Гоминьдана⁴⁶.

8 февраля И. Сталин в беседе с Ф. Рузвельтом подтвердил советские претензии на Дальнем Востоке в качестве «политических условий, на которых СССР вступил в войну с Японией»: передача Южного Сахалина и Курильских островов, сохранение status quo Внешней Монголии (МНР), аренда КВЖД и ЮМЖД, аренда части незамерзающего порта Дайрен и военно-морской базы Порт-Артура. Притом советский вожь всерьез уверял президента, что «нужно подготовить документ за подписью “большой тройки” с изложением целей войны СССР против Японии», чтобы легче объяснить советскому народу и Верховному Совету необходимость вовлечения СССР в эту войну⁴⁷.

Госдепартамент подготовил свои предложения: Южный Сахалин превратить в неподпечную территорию с возможной передачей Москве, если И. Сталин будет жестко настаивать на этом; установить международную опеку над Северными и Центральными Курилами с сохранением Южных Курил за Японией. Однако

⁴⁵ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 217–220; *Harriman A., Abel E.* Op. cit. P. 412.

⁴⁶ См.: *Harriman A., Abel E.* Op. cit. P. 397; *Фейс Г.* Указ. соч. С. 453–457.

⁴⁷ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 140–141; *Harriman A., Abel E.* Op. cit. P. 397–398.

Ф. Рузвельт, если и ознакомился с этими предложениями, даже не упомянул о них в беседе с И. Сталиным. Он знал о твердой позиции Кремля в территориальных вопросах. Зато в «арендной части» проекта документа американская сторона пыталась ослабить советские требования⁴⁸.

Однако И. Сталин и В. Молотов в беседах с американцами 10–11 февраля не только отвергли их поправки, но ужесточили свои прежние условия. Они потребовали полного контроля СССР над Дайреном и Порт-Артуром и в рамках аренды КВЖД и ЮМЖД фактического контроля над Маньчжурией. Ф. Рузвельт довольно легко согласился с этим. Даже комитет начальников штабов США не возражал против этих уступок⁴⁹.

Принятием решений по Дальнему Востоку 11 февраля закончилось обсуждение вопросов, связанных с формированием контуров послевоенного мира. И в тот же день завершила работу сама Крымская конференция. Было принято решение развести два документа: коммюнике (его оглашение состоялось 13 февраля одновременно в трех столицах) и протокол (в нем содержались конфиденциальные или секретные положения ялтинских решений). Первый документ подписали в порядке очередности У. Черчилль, Ф. Рузвельт и И. Сталин, второй – Э. Стеттиниус, В. Молотов, А. Иден⁵⁰.

Как же выглядели некоторые контуры будущего мира по итогам Крымской конференции? Прежде всего, «большая тройка» согласовала практически все позиции в отношении структуры и основных принципов деятельности всемирной организации безопасности. На конференции в Сан-Франциско три державы сумели добиться их закрепления в Уставе ООН. Принципиально новым в становлении послевоенного миропорядка стало вынесение вопросов обращения с агрессорами – виновниками мировой войны за пределы ООН. Они остались прерогативой СССР, США и Великобритании (с последующим присоединением к ним Франции).

Центральной позицией в этой части послевоенного устройства было соглашение по Германии. Оно включало безоговорочную капитуляцию и оккупацию ее четырьмя державами, полное разоружение, демилитаризацию и расчленение (последнее фигурировало только в протоколе), получение репараций с Германии (особый секретный протокол об изъятиях натурой) и координацию политики оккупационных держав⁵¹.

Территориальные перемены также стали частью контуров будущего мира. Они включали признание приобретений СССР в сентябре 1939 – июне 1940 гг., переход немецких земель восточнее р. Западная Нейсе и Восточной Пруссии к Польше и СССР (осторожная формулировка с подтверждением этих решений на будущей мирной конференции), восстановление государственного статуса Австрии, возвращение Судетской области Чехословакии, восстановление в целом территориального status quo в Юго-Восточной Европе лета 1939 г. Территориальные и геополитические решения по Дальнему Востоку также относятся к контуру послевоенного мира.

О чем говорят эти контуры будущего мира? Прежде всего, о колоссальном возрастании геополитической мощи и влияния Советского Союза. Его военные успехи нашли более чем адекватно отражение в основных элементах будущего мироустройства. С учетом выхода советской военно-политической мощи в Цен-

⁴⁸ См.: *Harriman A., Abel E.* Op. cit. P. 398–399; *Фейс Г.* Указ. соч. С. 458–459.

⁴⁹ См.: *Harriman A., Abel E.* Op. cit. P. 399–400; *Фейс Г.* Указ. соч. С. 460–461.

⁵⁰ См.: Советский Союз на международных конференциях... С. 222–223, 271, 282.

⁵¹ См.: Там же. С. 264–271, 272–274, 275–282.

тральную Европу и близкой реализации геостратегических амбиций Кремля на Дальнем Востоке СССР превращался в неоспоримого гегемона на всем Евразийском материке.

Несомненно, И. Сталин был весьма доволен этими успехами, но в них скрывалась опасность большого соблазна. В обстановке общего ослабления мирового капитализма и большой популярности в мире левых настроений в Кремле неизбежно возникло стремление закрепить и дальше продвинуть успехи «мирового социализма» в социально-политической динамике стран Восточной Европы и в геополитической экспансии СССР в Восточное Средиземноморье, Центральную Азию и на Дальний Восток. Может показаться удивительным и даже странным, что и Ф. Рузвельт и У. Черчилль до конца не осознали всей глубины этого поистине тектонического сдвига, увлеклись атмосферой взаимопонимания и дружбы, которую хозяева, несмотря на жесткую полемику, создавали на всем протяжении конференции и которую гости с удовольствием подхватывали, особенно после напряженных дискуссий.

Но любопытно, что именно И. Сталин по-своему предупредил партнеров о предстоящих трудностях, когда принятые контуры послевоенного мира будут наполняться реальным содержанием. На обеде, данном в честь Ф. Рузвельта и У. Черчилля, советский вождь заявил, что «нетрудно было сохранить единство во время войны... Но более трудная задача встанет после войны, когда различие интересов (выделено автором. – А. Ч.) будет толкать союзников к разобщению». Правда, И. Сталин не ограничился одним беспокойством, он призвал всех троих выдержать новые испытания и «добиться, чтобы наши отношения в мирное время были бы столь же тесными, как и в военное»⁵².

Пожалуй, в этих словах была изрядная доля иронии по поводу «тесных отношений» в военное время и вместе с тем настойчивый призыв к партнерам быть столь же склонными к сотрудничеству с Москвой, как это произошло в Тегеране и в Ялте. События февраля-апреля 1945 г. подтвердили актуальность предупреждения и призыва советского вождя, но в еще большей мере обнаружили опасность, которая скрывалась в большом успехе Кремля на Крымской конференции.

⁵² Цит. по: *Шервуд Р.* Указ. соч. С. 588.